

Конан Эдогава повсюду следовал за Годжо Харой, помогая искать разбросанные бомбы-тыквы. Когда последняя смертоносная игрушка была наконец найдена, Хара велел мальчику отойти на безопасное расстояние — пришло время покончить с этой угрозой и взорвать их все разом.

Укрывшись в ближайшем магазинчике, Конан затаил дыхание и сквозь стеклянную витрину принялся напряжённо следить за действиями мага.

Сначала Хара окутал грудю взрывчатки невидимой силой, собираясь поднять её высоко в воздух для безопасного взрыва. Но стоило бомбам оторваться от земли, как за спиной мага бесшумно, точно призрак, соткался мужчина средних лет со странными шрамами-швами на лбу. Он заговорил — тихо, вкрадчиво, растягивая слова в каком-то жутком ритуальном напеве:

— Час Овцы... Будущее... Предвидение.

Похоже, эти слова напрямую касались способности заглядывать в грядущее.

Сердце Конана тревожно сжалось. И не напрасно: едва поднявшись на пару метров, парящие бомбы глухо рухнули обратно на асфальт. Сам Хара застыл как вкопанный, словно его тело сковал мгновенный паралич. Прошло всего несколько секунд, и незнакомец со швами на голове выхватил странный куб, усыпанный живыми, моргающими глазными яблоками, и швырнул его прямо в Годжо Хару, зловеще выкрикнув:

— Тюремная обитель... отворись!

Глазастый куб прямо в воздухе раскрылся, исторгнув потоки жуткой, удушающей энергии, которая мёртвой хваткой спеленала мага. В этот миг оцепенение спало, разум Хары прояснился, но вырваться из этих невидимых пут он уже не мог — его движения были полностью скованы.

Глянув на эту сцену, Конан мгновенно всё понял. Этот тип со шрамом на лбу спланировал всё заранее: подстроил ловушку, чтобы запереть Годжо Хару в проклятом артефакте.

«Раз уж не в силах одолеть его в честном бою, они решили прибегнуть к подлому заговору и запечатать его?»

Он прекрасно понимал, что перед ним опаснейший маг и его собственных детских сил тут явно не хватит. Но вокруг не было ни души, а звать на помощь других шаманов времени просто не оставалось.

Конан лихорадочно вытащил телефон, пытаясь дозвониться до Яо Годжо или Ю Минагавы — единственных магов, чьи номера у него были. Бесполезно. Сеть полностью отсутствовала, гудки не шли.

«Да что не так с этим вашим магическим миром?! — в отчаянии злился Конан. — В Сибую

творится сущий кошмар, а спасти всех отправили одного-единственного мага? Где хоть какая-то поддержка?!»

Мальчику даже пришла в голову дикая, но пугающе логичная мысль: а что, если верхушка магического общества сама сговорилась с этим чудовищем со шрамами? Этот кукловод подготовил капкан, а продажные старейшины услужливо направили Хару прямоком в расставленные сети, лишив его всякой подмоги.

К счастью для Конана, Кэндзяку, торжествуя победу над обездвиженным Годжо Харой, не удержался от искушения похвастаться своим гениальным планом. Пока злодей упоённо расписывал все тонкости ловушки, у маленького детектива появилось драгоценное время.

Конан бесшумно нажал на пряжку своего особого ремня. Из него плавно выкатился и мгновенно раздулся до огромных размеров прочный футбольный мяч. Затем мальчик щёлкнул регулятором на кедах силы. Прицелившись точно в самодовольную, мерзкую физиономию Кэндзяку, он с силой замахнулся и нанёс сокрушительный удар.

Кэндзяку, упивавшийся собственным триумфом, уже приготовился выкрикнуть финальную команду: «Тюремная обитель... сомкнись!» — но договорить не успел. Наперекор всем законам физики, заговорённый мяч врезался ему прямо в лицо. От мощнейшего удара колдун кубарем покотился по земле. Кожа на его лбу натянулась так сильно, что швы едва не лопнули, угрожая выплюнуть наружу его истинную сущность — омерзительный живой мозг.

Тело, захваченное древним паразитом, знатно мотануло от сокрушительного пинка маленького детектива. Кэндзяку распластался на асфальте, а его настоящий разум, запертый в чужой черепной коробке, погрузился в глубокий нокаут на несколько долгих секунд.

Не теряя ни мига, Конан рванул к застывшему Годжо Харе. Он отчаянно схватился руками за невидимые путы, пытаясь разорвать их, но пальцы лишь беспомощно рассекали воздух. Обычный человек, обделённый магическим зрением, не мог даже коснуться этой проклятой энергии.

Опешив на долю секунды, мальчик сообразил: надо убрать сам источник проклятия. Он бросился к лежащему на земле кубу, надеясь утащить Тюремную обитель подальше и тем самым разорвать связь. Однако все попытки сдвинуть её с места оказались тщетны — проклятый артефакт словно врос в землю. Конан попробовал пнуть его, задействовав всю мощь своих кед силы, но раскрытая Обитель даже не шелохнулась.

Наблюдая за отчаянными усилиями мальчугана, Хара тепло, но снисходительно улыбнулся.

— Спасибо тебе, малыш. Но не переживай: я ни за что не позволю себя запереть в этой жестянке.

С каждым словом его голос становился всё более ледяным. Проклятая энергия Хары, зажатая в тиски Тюремной обители, напоминала кипящую лаву в запечатанном котле. Каким бы

прочным ни был затвор, если напор изнутри превосходит все мыслимые пределы, преграда неизбежно разлетится в щепки. Высвобождение бушующей мощи было лишь вопросом времени.

Понимая, что на прорыв барьера понадобятся драгоценные мгновения, Хара до этого искусно разыгрывал беспомощность. Он подавил ярость и позволил Кэндзяку изливать душу в хвастливом монологе, просто чтобы выгадать побольше времени.

Но стоило Кэндзяку уловить едва заметную дрожь — отголосок того, как бушующая сила Хары разрывает изнутри оковы артефакта, — как он тут же попытался захлопнуть створки Обители. К счастью, Конан подоспел вовремя. Его невероятный мяч, пущенный наперекор всем законам здравого смысла, вновь прервал вражеское заклинание и подарил Харе ещё несколько спасительных мгновений.

Что и говорить, зрелище того, как могущественный древний маг получает по лицу обычным надувным мячом от простого ребёнка, выглядело крайне абсурдно. Но победителей не судят — Хара решил не забивать себе голову лишними вопросами, раз уж безумный трюк сработал.

К этому моменту его собственная кипящая сила наконец нащупала лазейку. Стоило крошечному ручейку энергии пробить брешь в монолитной защите Обители, как плотина пала. Мощный, сокрушительный поток проклятой силы мгновенно разнёс оковы в пыль.

Очнувшись от внезапной контузии, Кэндзяку с ужасом обнаружил, что Годжо Хара уже стоит на ногах, без всякого труда разорвав путы проклятого куба голыми руками. Маг неторопливо подошёл к Обители, лишившейся своей силы, поднял её и заглянул в ошалело вращающиеся живые глазки на гранях. Сунув бесполезную теперь безделушку в карман, Хара устремил на Кэндзяку испепеляющий, полный ледяной ярости взор:

— Заставить меня увидеть такое... Ты заслуживаешь самой мучительной смерти!

Он наотрез отказывался верить, что промелькнувшие перед глазами видения были предвестниками реального будущего. Его Сатору... его любимый младший брат... разрублен пополам переродившимся Сукуной? Какая нелепость!

Даже если этот монстр вселится в тело Мэгуми Фусигуро, подчинив себе силу Десяти Теней, даже если вернёт былое величие и превзойдёт Сатору в силе — брат всё равно выживет. Хара позаботился об этом давным-давно. Он заключил нерушимый небесный обет и наложил на брата благословение, ставшее для того абсолютным щитом: пока жив сам Хара, Сатору не погибнет. Ни при каких обстоятельствах.

Пока бьётся сердце старшего брата, даже если Сукуна применит свой хваленый рассекающий мир пространственный разрез, Сатору выдержит удар. А значит, эти иллюзии — не более чем грязный трюк Кэндзяку, дешёвая попытка ранить его поглубже, вывести из равновесия и заставить совершить роковую ошибку.

Кэндзяку уверял, будто не ведает, какие именно картины будущего предстали перед его взором... Жалкая ложь. Хара не собирался верить ни единому слову этого слизняка.

Сначала нужно прикончить гада, а уж потом разбираться со всем остальным.

В памяти Хары всплыли события далёкого прошлого, когда ему было всего тринадцать. Тогда на него тоже совершила покушение женщина со шрамами на лбу.

Эти зловещие швы вели к двум очевидным выводам: либо перед ним стояла та самая тварь, для которой мужские и женские тела — лишь сменная одежда, либо они принадлежали к одной тайной организации, опознавательным знаком которой и служили рубцы на голове.

Впрочем, разница невелика.

Вырвавшись из плена, Хара мгновенно перекрыл Кэндзяку все пути к отступлению, заперев его в изолированном пространстве Безграничности. Безжалостно пресекая любые попытки сопротивления, он одним точным движением вспорол швы на лбу врага. Черепная коробка раскрылась, обнажив тошнотворное зрелище — живой, пульсирующий человеческий мозг, снабжённый зубастой пастью.

Хара брезгливо поморщился. Какая невыносимая мерзость!

«Хорошо, что я не прикоснулся к этому голыми руками»

Теперь давняя загадка разрешилась. В тринадцать лет, когда он впервые развернул свою территорию и начал стирать нападавшую из бытия, её плоть мгновенно обратилась в прах, но проклятый мозг уцелел — его пришлось уничтожать отдельным ударом.

Всё встало на свои места: паразит существовал автономно от своей оболочки, поэтому для полного его уничтожения требовалось двойное воздействие.

Но кем же был тот первый мозг? Родственным существом или частью того же паразита?

Хара склонялся к мысли, что Кэндзяку владел техникой создания клонов. Тот давний противник и этот зубастый паразит перед ним наверняка были осколками единой сущности, её ментальными проекциями.

Это объясняло, почему пленённый мозг вёл себя на удивление покорно и даже не пытался вырваться из ловушки. Ему было попросту нечего терять.

Не желая больше медлить, Хара сжал границы барьера Безграничности, запечатав в нём лишь копошащийся в черепной коробке мозг. Туда же он мгновенно переместил все

конфискованные хэллоуинские бомбы. Воздушный кокон со смертоносной начинкой стремительно взмыл ввысь, унося паразита навстречу его последнему, самому яркому представлению.

Оказавшись запертым наедине со взрывчаткой, Кэндзяку даже не вздрогнул. Напротив, в его голосе, доносившемся из барьера, зазвучало искреннее, усталое восхищение:

— Годжо Хара... Ты действительно оказался главным камнем преткновения на моём пути. Справиться с тобой куда сложнее, чем с твоим взбалмошным братом. И всё же мне безумно любопытно: как тебе удалось сокрушить оковы Тюремной обители? По всем законам магии, пленник внутри неё лишается доступа к проклятой энергии и не может сделать и вдоха. Перед тем как я обращусь в пепел, не соизволишь ли ты удовлетворить моё любопытство?

Хара лишь сильнее взмахнул рукой, заставляя барьер взмывать в поднебесье с удвоенной скоростью.

— Перебьёшься.

Он не собирался уподобляться дешёвым злодеям из бульварных романов, которые перед финальным ударом раскрывают сопернику все карты. Пусть этот паразит подышает в неведении — нераскрытые тайны станут для него лучшим надгробием.

Выкладывать козыри обречённому врагу — верх глупости. А если он выживет? А если переродится в новом теле?

Хара не видел никакого смысла делиться секретами. Это ведь не раскрытие карт ради усиления техники в бою. Тем более, у Кэндзяку наверняка оставались другие клоны, и сегодняшняя казнь — лишь временная победа, не уничтожающая врага окончательно.

Хара и Конан синхронно задрали головы к небу. В вышине с грохотом распустился исполинский огненный цветок. Десятки хэллоуинских бомб сдетонировали одновременно, породив чудовищный огненный смерч, который за долю секунды испепелил остатки паразита.

Острый взор Шести Глаз подтвердил: ни одна микроскопическая частица плоти не уцелела в этом пекле. По крайней мере, этот клон Кэндзяку прекратил своё существование окончательно и бесповоротно.

Конан стоял как громом поражённый. Сначала он отрешённо созерцал медленно угасающие в небе искры, а затем перевёл взгляд на обезглавленное тело, безжизненно лежащее на асфальте.

Лишь спустя пару минут мальчик сумел выдавить из себя дрожащие слова:

— Господин Хара... Мне ведь не показалось? У этого парня вместо мозгов действительно была говорящая зубастая тварь?

— Именно так, — спокойно подтвердил Хара. — Этот мозг и есть кукловод, устроивший сегодняшнюю ловушку. Он превратил собственный разум в проклятый объект и веками захватывает чужие тела, просто пересаживая себя на место чужих мозгов. Правда, за подобную силу ему приходится платить цену: шрам от трепанации на лбу невозможно залечить никакими силами. Это его вечное клеймо и главный опознавательный знак.

Конан побледнел, на его лице отразился неподдельный ужас.

— Да в вашем магическом мире вообще существуют хоть какие-то законы нормальности?! Жить в виде блуждающего мозга, воровать чужие жизни, примерять тела как перчатки... Это же значит...

Мальчика передёрнуло от отвращения, к горлу подкатил тяжёлый ком. От одной только мысли, что кто-то из его близких или знакомых может оказаться пустой оболочкой, управляемой склизким паразитом, по спине пробежал ледяной пот.

«К счастью, мои друзья — обычные люди, далёкие от шаманов. Едва ли это чудовище польстится на тело простого смертного, лишённого магической силы»

Заметив состояние мальчугана, Хара ласково взъерошил его волосы. Мягкая шевелюра оказалась на удивление приятной на ощупь, так что маг с удовольствием потрепал его по голове ещё пару раз.

— Ты совершил настоящий подвиг, задержав его, — мягко произнёс Хара. — Если бы Обитель захлопнулась, вырваться изнутри своими силами я бы уже не смог. Пришлось бы безвольно ждать, пока кто-нибудь не найдёт куб и не распечатает его снаружи. А если бы этот негодяй забросил его в жерло действующего вулкана, утопил на дне Марианской впадины или отправил ракетой в открытый космос? Я остался бы там навечно.

В глубине души мага шевельнулся редкий для него холодный страх. Он боялся не за собственную жизнь или свободу — его ужасала мысль о том, что без его защиты Сатору останется один на один с этим хитрым, беспринципным чудовищем и неизбежно станет его следующей мишенью.

Сатору слишком горд, он презирает интриги и заговоры, полагаясь лишь на свою абсолютную силу. Случись ему оступиться хотя бы раз — последствия будут катастрофическими. К тому же, узнай брат о его заточении, он бросил бы все силы на поиски Обители и, ведомый слепой тревогой, легко угодил бы в очередную изящную ловушку Кэндзяку.

Поэтому благодарность Хары к маленькому детективу была глубокой и искренней.

Конан смущённо почесал затылок и улыбнулся:

— Я рад, что смог помочь, господин Хара. Вы ведь тоже спасали меня, и не раз.

Конан понимал: если такое могущественное существо готово на любые низости ради устранения Хары, значит, тот — главный оплот безопасности. Рухни этот барьер, и безумные фанатики в мгновение ока ввергнут мир магов в хаос. А когда рушится их скрытый мир, под обломками неизбежно хоронит и жизни простых людей. Так что, помогая Харе, Конан защищал и собственный дом, и свою признательность считал скромной платой.

Хара не стал сыпать громкими словами, решив отблагодарить делом. Он твёрдо намерился отправить мальчику несколько первоклассных защитных амулетов-омамори и пару проклятых орудий, замаскированных под обычные вещи. Конан сегодня лично расстроил планы древнего монстра, а значит, вполне мог привлечь к себе лишнее внимание уцелевших прихвостней Кэндзяку. Лишняя защита ему точно не повредит.

Разобравшись с угрозой взрывов, Хара связался со вспомогательными управляющими и вызвал группы зачистки для ликвидации последствий инцидента в Сибуре.

Управляющие занялись эвакуацией уцелевших гражданских, а подоспевшие маги принялись методично истреблять разбредшихся по округе мелких проклятых духов, до которых у самого Хары попросту не доходили руки.

Дальнейшие заботы ложились на плечи правительства: предстояло успокоить общественность, заставить свидетелей держать язык за зубами и состряпать правдоподобную версию техногенной катастрофы для прессы. Впрочем, Хару эти бюрократические тонкости мало волновали.

Активировав Завесу, он мгновенно перенёсся в Киото. К его прибытию гигантская Завеса, накрывавшая большую часть древней столицы, как раз начала таять, обнажая израненный город: старинные улочки и современные здания были покрыты копотью и зияли пробоинами от многочисленных взрывов.

Одного беглого взгляда Шести Глаз хватило, чтобы понять общую картину: львиная доля разрушений пришлась на детонацию обычной взрывчатки. Лишь малая часть повреждений несла на себе характерные следы магических столкновений Сатору с проклятыми духами.

Впрочем, по разрушительной мощи все заложенные террористами бомбы блёкли на фоне того, что мог натворить разгулявшийся в пылу битвы Сатору.

Хара завис в воздухе над разрушенными кварталами. Секунду спустя перед ним соткался Сатору и, словно соскучившийся огромный белый кот, навалился на брата всем телом, обхватив руками за шею.

— Братик! Я тут со всем покончил! Вижу, ты у себя тоже закончил веселье?

Хара крепко обнял брата в ответ, прижав к себе с такой силой, словно пытался убедиться, что тот настоящий. Стук сильного, ровного сердца Сатору у самого уха помог унять ту удушливую тревогу, что сжимала его собственную грудь последние полчаса.

То фальшивое видение, подсунутое Кэндзяку... нелепая, дешёвая фальшивка. Его Сатору просто не мог погибнуть. И уж точно не такой варварской, мучительной смертью.

Не желая портить момент рассказами о пережитом покушении, Хара перевёл тему:

— Расскажи лучше, как всё прошло у тебя.

— О-о, братик, ты не поверишь! — оживился Сатору, его глаза за синими очками восторженно блеснули. — Мне попались те самые разумные проклятия, о которых ты рассказывал! Они говорят как мы и даже имеют имена. Одного звали Угин, он родился из страха людей перед небесной бездной, а второго — Дагон, порождение ужаса перед океаном. Они соображают в сто раз лучше тех безмозглых кукол особого ранга, которых собирает Сугуру. Я уже всерьёз думал скрутить их живьём и притащить ему для поглощения, но эти паршивцы устроили знатный переполох. Повсюду лезли мелкие твари, безумные колдуны и обычные бандиты с бомбами. Пришлось отвлечься на спасение гражданских, так что я случайно стёр этих двоих в порошок. Жаль, отличный был бы улов...

Из сбивчивого, но эмоционального рассказа брата Хара без труда восстановил хронологию событий.

Обстановка в Киото оказалась куда более запутанной, чем в Токио. Кэндзяку разыграл масштабную партию: помимо двух стихийных проклятий особого ранга, он задействовал целую армию наёмных убийц и обычных уголовников. Они заминировали ключевые точки города и устроили серию скоординированных терактов. Всё это делалось с единственной целью — рассредоточить внимание Сатору, вынудив его тратить силы на спасение заложников.

Сатору мог сколько угодно ворчать, что возиться со слабаками — сплошная морока, но на деле он никогда не бросал людей в беде. Организаторы терактов прекрасно это знали. Давая ему время на разминирование и эвакуацию, они умышленно затягивали киотский конфликт, чтобы не позволить сильнейшему магу вовремя прибыть в Сибую на выручку брату.

Но даже так заговорщики фатально недооценили мощь Шести Глаз. Вместо изнурительной осады они получили кровавую баню. Сатору крушил их позиции одну за другой. Если бы не необходимость ежеминутно вытаскивать раненых из-под завалов, ни один из нападавших не ушёл бы живым.

Первыми под горячую руку попали те, кто заявлял о себе громче всех — два стихийных проклятия и верхушка наёмников. Их колоссальный выброс проклятой энергии стал для Сатору идеальным маяком, и он уничтожил их в первую очередь.

Спасти удалось лишь обычным уголовникам, нанятым Кэндзяку для грязной работы. Будучи лишёнными проклятой энергии, они растворились в паникующей толпе обывателей. Просеять огромную массу людей и вычленив среди них виновников не под силу даже Шести Глазам — это всё равно что пытаться отыскать конкретную каплю воды в бушующем океане.

Сатору не собирался гоняться за обычными грабителями и поджигателями — это дело он с лёгким сердцем оставил полиции, передав им спасённых гражданских для последующей фильтрации и допросов.

Киото испокон веков считался вотчиной Главного совета магов и колыбелью великих кланов. Здесь, под боком у старейшин, располагалось сердце всего магического сообщества. Однако когда беда постучалась в ворота и тысячи невинных оказались заперты под Завесой, местная элита повела себя трусливо и подло. За исключением горстки бедолаг, оказавшихся внутри барьера случайно, столичные маги предпочли выжидать в безопасности. Они безучастно наблюдали за происходящим со стороны, благородно именуя своё бездействие «ожиданием приказа для тактической поддержки».

Хара едва сдерживал гнев. Эта гнилая, трусливая система изжила себя. Но раз уж внешняя угроза временно отступила, пришло время заняться внутренними паразитами и провести генеральную уборку.

Он мягко положил руку на плечо брата и твёрдо произнёс:

— Сатору, на следующее заседание Главного совета мы пойдём вместе.

— Чего-о? — недовольно протянул Сатору. — Опять слушать бредни этих гнилых мандаринов? Братик, сходи сам, а? У тебя это отлично получается, а меня от одного их вида тошнит!

Сатору привык полностью полагаться на старшего брата в вопросах политики. Он избегал старейшин как чумы, справедливо опасаясь, что однажды просто не сдержит порыв и разнесёт весь их совет в щепки вместе с его дряхлыми обитателями.

Однако сегодняшний инцидент в Сибуге послужил для Хары суровым уроком. Он не всемогущ и не сможет вечно прикрывать Сатору спину. Случись худшее — если бы Тюремная обитель поглотила его, — брат остался бы один на один с коварным миром интриг.

Сатору должен был научиться управлять их общими ресурсами и влиянием уже сейчас, без раскачки.

Все клятвы и обеты, которые Хара брал со своих подчинённых, изначально были сформулированы так, чтобы связывать их верностью обоим близнецам.

Это гарантировало, что в случае гибели или исчезновения старшего брата созданная им подпольная империя не развалится, а автоматически перейдёт под контроль младшего. Но мало получить преданных людей — нужно уметь ими руководить. С его вечным легкомыслием и полным презрением к деталям Сатору просто утонул бы в рутине и межклановых распрях, не сумев быстро навести порядок.

Разумеется, Хара верил в гениальность брата и не сомневался, что со временем тот во всём

разберётся. Но враги не станут великодушно ждать, пока Сатору освоится в новой роли.

Поэтому сегодня никакие капризы и жалобные вздохи не могли смягчить его решимости.

— Сатору, ты можешь не лезть в их дразги лично, но обязан понимать, как устроены эти механизмы, — твёрдо оборвал его возражения Хара.

В интонациях брата скользнуло нечто такое, от чего у Сатору похолодело внутри. Он внимательно всмотрелся в лицо Хары, пытаясь уловить малейшие изменения.

— Братик... Что на самом деле произошло в Сибуге?

Сегодня Хара вёл себя иначе. В его настойчивости сквозило глухое, лихорадочное нетерпение — словно он торопился передать дела, боясь бесследно исчезнуть в любой момент и оставить младшего без опоры. Раньше Хара всегда ласково повторял: «Я сам со всем разберусь, Сатору, а ты можешь делать всё, что твоей душе угодно. Пока я жив, никто тебя не побеспокоит».

Эта внезапная перемена пугала Сатору сильнее любых проклятий особого ранга.

Хара вздохнул и решил не утаивать правду.

— Вся эта суматоха в Киото и Сибуге затевалась ради одной цели — добраться до меня. Помнишь покушение, когда нам было по тринадцать лет?

Сатору согласно кивнул. Тот случай врезался в память намертво. На них покушались с пелёнок, но именно та вылазка оказалась уникальной: враги действовали настолько изощрённо, что Харе пришлось прямо на грани жизни и смерти пробуждать Расширение территории. Тогда же им удалось захватить живьём древнего мага, переродившегося в чужом теле.

— Ту женщину со швами на лбу я тогда уничтожил, — негромко продолжил Хара. — Но, судя по всему, у этой твари есть несколько жизней или клонов. Сегодня передо мной предстал мужчина с точно такими же шрамами. Он заманил меня в ловушку и едва не запечатал в Тюремной обители.

<http://bllate.org/book/19549/2004372>